

В.Г. НИКОЛАЕВ

ИДЕНТИЧНОСТЬ, СТРУКТУРА ОПЫТА И СОЦИАЛЬНАЯ СТРУКТУРА

***Аннотация:** В статье изменения в личных и социокультурных идентичностях связываются с изменениями в социальной структуре и структуре человеческого опыта. В качестве отправных точек берутся идеи Дж. Г. Мидо о взаимодействии, опыте, контактном и дистанционном опыте, природе человеческого действия и реальности. Современные идентичности соотносятся со специфически современными социальными структурами и специфически современным структурированием опыта. Особое внимание уделяется пространственным, территориальным аспектам социальных структур, которые понимаются как сети действия, определенным образом пространственно организованные и образуемые узлами, имеющими территориальные локализации. Возникновение современных гибких форм идентичности видится в этом контексте как следствие пространственного расширения сетей действия, вызывающего существенные изменения в понимаемых таким образом социальных структурах и соответствующие трансформации человеческого опыта, связанные с возрастанием значимости дистанционного опыта по сравнению с контактными и повышение неопределенности объектных миров человека и его установок по отношению к ним.*

***Abstract:** In this paper the changes in personal and social-cultural identities are tied together with changes in social structure and in the structure of human experience. The author starts and departs from the ideas of George Herbert Mead on interaction, experience, contact and distance experience, the nature of human action and reality. Modern identities are related to specifically modern social structures and structuring of human experience. A special attention is paid to spatial/territorial aspects of social structures which are understood as spatially organized action networks constituted by territorially located bundles, or junctions. The emergence of modern flexible forms of identity is seen in this context as a result of spatial*

Николаев Владимир Геннадьевич – кандидат социологических наук, доцент социологического факультета Государственного университета «Высшая школа экономики» (Москва). E-mail: vnik1968@yandex.ru.

---

extension of action networks which calls for the profound changes in social structures so treated and the according transformations in human experience connected with the rising significance of distance experience as against contact experience and with the rising uncertainty of objective human worlds and his/her attitudes toward them.

Ключевые слова: *идентичность, социальная структура, опыт, контактный и дистанционный опыт, неуверенность/неопределенность, область манипулирования, сети действия, сцепленное действие, «узлы» сцепленного действия, диапазон сцепленного действия, модернизация.*

Keywords: *identity, social structure, experience, contact and distance experience, uncertainty, manipulatory area, network of action, joint action, “junctions” of joint action, a range of joint action, modernization.*

Положение человека в модернизирующемся обществе имеет много аспектов и на протяжении более чем столетия привлекало к себе настолько пристальное внимание философов, социологов, антропологов, психологов и др., что сегодня, рассматривая эту тему, нет ни малейших шансов охватить накопившиеся горы литературы и все многообразие предложенных на этот счет идей и концепций. Проблемы идентичности современного человека освещены в бесконечном множестве ракурсов; это, казалось бы, не оставляет возможности предложить в этой области что-то действительно новое, о чем бы еще никто и нигде так или иначе не говорил.

Исходя из этого, ниже предполагается яснее прочертить одну связь, не прочерчиваемую достаточно отчетливо в текущих дискуссиях на эту тему. Эта связь будет прочерчена с социологической точки зрения, хотя полное ее прояснение в силу самой ее природы требует междисциплинарного подхода. Речь идет о связи тех проблем идентичности, которые в наибольшей степени проявляются в современности (в специальном смысле слова), с изменениями в социальной структуре, характеризующими современность, и с изменениями в структуре человеческого опыта, которые их сопровождают.

В качестве отправной точки будут взяты идеи Дж. Г. Мида, у которого мы находим как проработанный анализ опыта, так и идеи, ставшие одним из важнейших оснований современных концепций идентичности. Связывание идентичности и опыта с социально-структурным контекстом потребует от нас обращения к другим ресурсам – собственно социологическим, – которые в работах Мида отсутствуют в силу его особых, прежде всего философских, интересов.

В нижеследующем рассуждении мы будем исходить из следующих общих посылок, находимых у Мида. Человек живет в мире, который дан

ему в опыте; именно этот мир для человека реален; реалистический взгляд на человека и человеческие дела требует обращения именно к этому миру, а не к каким-либо его спекулятивным паллиативам¹. Мир опыта – это мир действия, мир взаимодействия, процессуальный мир; реалистически рассмотреть его можно только в контексте разворачивающегося действия как том контексте, в котором он действительно (или деятельно) производится и воспроизводится, конструируется и реконструируется. Центральным звеном в действии (или «акте») как разворачивающемся процессе является то, что Мид называет в широком смысле «перцепцией»². Включая в акт «перцепцию», он говорит не только о чувственном восприятии, в узком понимании, но и о ментальных процессах, определяемых как «рефлексивные», или «символические»³. Мир постоянно конструируется и реконструируется в процессе действия, или самим этим процессом, но для действия этот мир является средой, к которой оно должно приспособливаться. Этот мир не может быть охарактеризован как субъективный; он является функцией тех особых «восприимчивостей», которые присущи действующим, и в этом смысле ментально организован, однако эта ментальная организация складывается в чутком реагировании на те сопротивления, которые мир оказывает попыткам человека

---

¹ У Г. Блумера, развивавшего подход Мида применительно к социологии, этот принцип обрел статус центрального методологического императива. В одной из формулировок он звучит так: «Уважайте эмпирический мир и организуйте методологическую позицию так, чтобы отразить это уважение» (*Blumer H. Symbolic Interactionism: Perspective and Method. Englewood Cliffs: Prentice-Hall, 1969. P. 60.*)

² В работах Мида эти послышки много раз проговариваются. Например: «Перцепция – это связь между высокоразвитым физическим организмом и объектом, или средой, в которой посредством отбора выделяются некоторые элементы. Эта связь предполагает временную протяженность и процесс. Процессом является процесс действия с помощью посредников (media), которые оказывают воздействие на органы чувств биологического индивида» (*Mead G.H. The Philosophy of the Act / Ed. by C.W. Morris with J.M. Brewster, A.M. Dunham and D. Miller. Chicago, 1938. P. 8.*) Значимость перцепции Мид резюмирует в формуле: перцепция – это «свернутый акт» (*Mead G.H. The Individual and the Social Self: Unpublished Work of George Herbert Mead / Ed. with an Introduction by D.L. Miller. Chicago, 1982. P. 29.*)

³ Так, в лекциях 1914 г. Мид говорил: «Мы подходим к проблеме с точки зрения акта, заключающего в себе все состояния сознания» (*Mead G.H. The Individual and the Social Self... P. 27.*) Рефлексия и знание, согласно Миду, входят в опыт как ответ на проблему: «Непосредственная перцепция просто наличествует и не является объектом осознания или знания, если только не возникает какой-нибудь вопрос относительно поведения или согласия с перцепциями других, приводящий нас к размышлению над этим» (*Mead G.H. The Philosophy of the Act. P. 12.*) Мидовское понимание связи процессов «перцепции» и «концепции» систематизировано в: *Blumer H. "Science without Concepts" // American Journal of Sociology. 1931. Vol. 36. № 4. P. 515-533.*

практически воздействовать на него и добиваться от него желаемых «реакций»⁴; в силу этого мир опыта определяется Мидом как «объективный»⁵.

Мир, данный индивиду в опыте, есть мир «объектов», по отношению к которым он принимает определенные установки, означающие готовность действовать по отношению к этим объектам определенными способами. Установка и объект существуют вместе; будучи лишь разными аспектами инклюзивного единства действия, они не существуют отдельно друг от друга. Установка может быть «установкой непосредственного переживания» или «установкой рефлексивного анализа»⁶, но это не два разных вида установок, а динамически взаимосвязанные аспекты устойчивой/изменчивой установки как неотъемлемого компонента развертывающегося во времени акта. Когда действие, выстраиваясь в его манипуляторной фазе в соотношении с текущей перцепцией, заключающей в себе установку и соответствующий ей объект, сталкивается с препятствием («проблематичной ситуацией»), в опыт входит рефлексия (или ее функциональные заменители), и это ведет одновременно к реконструкции объекта и изменению установки по отношению к нему.

Природа объектов, составляющих для человека его мир, такова, что они отчасти даны в опыте, а отчасти — недоступны для него. Недоступность эта проявляется в том, что действующий человек испытывает с их стороны сопротивление, с которым он вынужден считаться, но суть которого для него непрозрачна⁷. Объекты даны человеку теми или иными «поверхностями», за которыми скрыто сопротивляющееся «нутро»; в рефлексии можно перейти от одних «поверхностей» к другим, но «нутро» при этом остается скрытым («нутро» вещей, по Миду, имеет социальное происхождение)⁸.

---

⁴ В этом проявляется своеобразие прагматистской позиции Миды. Не раз отмечалось, что он выступал против картезианского дуализма (см., например: *Miller D.L. Introduction // Mead G.H. The Individual and the Social Self...* P. 4, 12). В частности, он был категорически против определения мира опыта как субъективного, отвергая «доктрину, что наше знание есть целиком и полностью знание состояний сознания, а внешний мир, находящийся за их пределами, не более чем допущение» (*Мид Дж. Г. Философия акта: Постановка вопроса // Личность. Культура. Общество. 2001. Т. III. Вып. 8. С. 138*).

⁵ По утверждению Миды, «любой объект всегда является выражением особенной связи между ним самим и индивидом, но это связь объективная» (*Мид Дж. Г. Философия акта: Постановка вопроса // Личность. Культура. Общество. 2001. Т. III. Вып. 7. С. 90*). См. также: *Mead G.H. The Objective Reality of Perspectives // Mead G.H. The Philosophy of the Present / Ed. by A.E. Murphy. LaSalle, Ill., 1932. P. 161-175*.

⁶ *Мид Дж. Г. Философия акта... Вып. 7. С. 97-98*.

⁷ О «сопротивлении» и его значимости см.: *Мид Дж. Г. Избранное: Сб. пер. / Сост. и пер. В. Г. Николаев. Отв. ред. Д. В. Ефременко. М., 2009. С. 222-225, 238*.

⁸ О «нутре» и «поверхностях» см., например: *Мид Дж. Г. Избранное. С. 223, 274-276*.

Далее, говоря о природе объекта, Мид утверждает, что его в принципе нельзя рассматривать обособленно и как завершённую единичную сущность. Объект всегда вплетен в некоторую целостную объектную конфигурацию, присутствующую в опыте действующего в процессе его действия, имея значимость только внутри этой конфигурации. По словам Мида, «характер единства относится не просто к перцепту. Объект — только центр перцепции. Единство, о котором идет речь, — это не единство, принадлежащее этому единичному объекту, например стулу, а единство, принадлежащее всему полю, или ситуации, в которой объект появляется. Единство заключает в себе в такой же степени воспринимающего, в какой и воспринимаемую вещь. Это единство объекта на его месте внутри поля и в его связи с воспринимающим лицом»⁹.

Воспринимающий/действующий присутствует в рефлексивном опыте как один из объектов в ряду других объектов и связывается с ними. Другой аспект связи действующего с объектным миром описывается в теории Мида как установка, о чем выше уже говорилось. При этом, по его словам, «объект отличается для каждого индивида в зависимости от его перспективы и его возможности отреагировать на этот объект... любой объект всегда является выражением особенной связи между ним самим и индивидом... Характер индивида отбирает из объекта, как он существует, то, что отвечает природе индивида в его наличной установке; этот отбор протекает в соответствии с его непосредственными восприимчивостями и его опытом»¹⁰. Установки динамически связывают «индивида в форме Я» с объектным миром; как и все прочее, установки неразрывно вплетены в процесс развертывающегося акта как один из его аспектов, обладая одновременно некоторой устойчивостью и изменчивостью. Устойчивость установок обеспечивается прошлым опытом и его удержанием в виде практически проверенных образов объектного мира.

Человеческое Я имеет установочную природу; оно складывается в ходе взаимодействия с миром из усвоенных установок (или «ролей»). В той мере, в какой эти установки обладают устойчивостью, обладает устойчивостью и Я; соответственно, избыточная подвижность установок будет переживаться человеком как утрата внутренней устойчивости и ориентации в мире. Опыт содержит в себе рефлексивный механизм, благодаря которому из всей массы объектов и их свойств, имеющих характер рабочих гипотез и проверяемых в действии, отсеиваются не оправдавшие себя на практике (они связываются с субъективностью индивида) и отбира-

---

⁹ Mead G.H. The Individual and the Social Self... P. 29.

¹⁰ Мид Дж.Г. Философия акта... Вып. 7. С. 90-91.

ются оправдавшие себя (они относятся на счет самого внешнего мира и воспринимаются как реальные). Правда, Мид говорит об этом в первую очередь применительно к научному опыту¹¹; однако аналогичная сортировка неизбежно свойственна и опыту обывателя. Благодаря постоянной практической проверке мысленных образов в процессе действия достигается темпорально устойчивая идентичность объектов опыта в частности и объектного мира в целом¹²; практической гарантией того, что вырабатывающееся таким образом восприятие объектного мира является объективным, соответствующим реальности, является то, что эта реальность не оказывает построенному на нем действию осязаемого сопротивления (по крайней мере, до поры до времени). Коррелятом темпорально устойчивой идентичности объектов являются темпорально устойчивая идентичность Я и то сопутствующее ей чувство уверенности, которое держится на регулярно практически удостоверяемой эффективности текущих установок. Логический предел такой идентичности – автоматически реализующийся процесс жизни, не содержащий в себе проблематичных ситуаций и не требующий рефлексии. Естественно, всякого рода эмерджентии не позволяют достичь этого предела даже в самых традиционалистских социальных контекстах.

Ядро объектного мира, в котором разворачивается жизнедеятельность человека, составляет особая область, которую Мид называет областью (или зоной) манипулирования. Это ограниченная пространственная область, в которой разворачивается манипуляция как интегральная фаза человеческого действия. Специфическая значимость этой области, согласно Миду, состоит в том, что внутри нее «имеет место контакт как непосредственный результат акта, и в то же время мы его видим, или имеем переживание его на расстоянии»¹³. Действие локализуется в «здесь и сейчас», но «здесь» – не геометрическая точка, а пространственная зона, в пределах которой действующий вступает с объектным миром в непосредственный контакт.

Различение переживания на расстоянии и переживания в контакте Мид ввел, отталкиваясь от старой дихотомии первичных и вторичных качеств, но оно ей не тождественно. Мид связывает контактный опыт в первую очередь со схватыванием и осязанием¹⁴, которые служат конеч-

---

¹¹ Там же.

¹² Там же.

¹³ Мид Дж.Г. Социальный фактор в перцепции // Мид Дж.Г. Избранное. С. 220.

¹⁴ Как отмечает, в частности, Д.Л. Миллер, «Мид – гаптический философ, считающий, что проверка реальности объектов обнаруживается в контактных переживаниях. Мы давим на объект или толкаем его, и он в это время оказывает количественное равное сопротивление»

ным удостоверением реальности вещей. Переживание на расстоянии связывается, прежде всего, с теми качествами, которые даны через зрение, слух и обоняние. Между тем даже тактильное переживание объекта, по Миду, есть в некотором смысле переживание на расстоянии. Соответственно, контактный опыт — это опыт не осязательный, а кинестетический: «Сущность перцепции — не в организации различных так называемых чувственных данных и не просто в “передаче” одного чувственного содержания другим содержанием, а в этом отчетливом соотношении переживания объекта на расстоянии с опосредующим переживанием этой области в контакте (переживание на расстоянии есть переживание, перцептуальной реальностью которого является переживание в контакте) и в соотношении позднейших переживаний через консуммацию или дальнейшее уточнение с физической вещью, т.е. с перцептуальным объектом в области манипулирования, где он переживается одновременно на расстоянии и в контакте... Соотношение подразумевает лишь направление акта к его промежуточному завершению в контактных процессах манипулирования. Полностью реализовавшееся существование перцептуального объекта принадлежит этой области. Важно понять, что перцептуальную реальность несет с собой не характер тактильного, или контактного, опыта как таковой. Физическую вещь в области манипулирования наделяет реальностью именно успешное завершение этой части акта, инициированной переживанием на расстоянии»¹⁵. Иначе говоря, в зоне манипулирования осуществляется практическое интегрирование опыта и объектного мира, наделяющее их высшей степенью реальности.

Таким образом, зона манипулирования, в которой реализуется прямой контакт с объектами, обладает специфической двойственностью.

С одной стороны, это область предельно реального, в которой при регулярном успешном «промежуточном завершении» актов действующий чувствует себя как дома, находясь в состоянии, которое можно определить как «вжитость в мир», или как предельное состояние уверенности в мире и в самом себе, предельно возможное состояние определенности.

С другой стороны, это область, в которой осуществляется постоянная практическая проверка оказывающегося внутри нее мира и в которой он при неудаче в «промежуточном завершении» акта и возникновении проблемы может быть предельно остро пережит как более или менее

ление нашим усилиям. Физическая вещь переживается здесь и сейчас, тогда как цвет объекта переживается на расстоянии и индицирует физический объект, переживаемый в контакте» (*Miller D.L.* Introduction. P. 12).

¹⁵ *Мид Дж. Г.* Социальный фактор в перцепции. С. 221.

не такой, каким он до этого казался исходя из прошлого опыта. Проблемы внутри этой области сопряжены с большей или меньшей дезинтеграцией перцепции, объектного мира, установок и Я.

За пределами области манипулирования располагается более широкий мир, не обладающий этими свойствами. Как его реальность, так и проблемы, локализованные в нем, являются для человека более абстрактными, даже если он сохраняет фоновую уверенность в нем (источник этой уверенности, в конечном счете, следует искать в контактном опыте в зоне манипулирования и том чувстве реальности, которое в нем вырабатывается и поддерживается). Какие-то сегменты этого более широкого мира могут вовлекаться в зону манипулирования и подвергаться в ней проверке, однако большая его часть всегда будет оставаться за пределами контактного опыта, и ее реальность будет заимствованной (производной), не проверенной на практике, более или менее абстрактной.

Если объектный мир, вовлеченный в зону манипулирования, доступен человеку конкретно и непосредственно, то объекты более широкого мира входят в его опыт опосредованно — через языковые знаки и через зрительные и слуховые образы, тоже имеющие характер знаков. Поскольку человек не может связать эти данности своего опыта с кинестетическим переживанием объектов, которые ими обозначаются, то последние не могут быть полностью интегрированы в «домашний» опыт. Однако этого нельзя сказать о знаках, указывающих на эти объекты. Знаки вполне могут стать рутинной частью повседневного опыта в зоне манипулирования, но эти знаки не тождественны самим объектам: если ничто этому не препятствует, то объекты, стоящие за этими знаками, просто предполагаются как их «нутро»; но если «нутро» объектов, вовлеченных в зону манипулирования, может быть поставлено под радикальное сомнение лишь в крайних случаях, то «нутро» абстрактных объектов может быть подвергнуто сомнению, в том числе радикальному, гораздо легче и часто без потери ориентации в мире.

Абстрактны все объекты дистанционного мира: физические объекты, социальные объекты («другие»), ментальные конструкторы (мировоззрения, религии, концепции и т.п.). Их качества могут приниматься на веру лишь до тех пор, пока они не вовлечены в контактный опыт; проблемы, возникающие для действующего при вхождении с ними в контакт, иногда драматически подтверждают их иллюзорность¹⁶.

---

¹⁶ Ярким примером такой ситуации является миграция, при которой в контактный опыт мигранта входит сегмент мира, который до этого мыслился им абстрактно и стереотипно. Классическое описание этой ситуации в указанном аспекте см.: Шюц А. Чужак // Шюц А.

Следующим шагом в нашем размышлении будет констатация того, что «зона манипулирования» – пространственное, но не географическое понятие. Она привязана не к территории, а к действующему и его действию. По мере пространственных перемещений действующего она перемещается вместе с ним, и он всегда остается в ее центре. С социологической точки зрения более значима не зона манипулирования как таковая, а территориальные очертания и конфигурации мира, практически освоенного индивидами и группами через вовлечение разных его сегментов в их контактный опыт¹⁷. Социологическая значимость этих территориальных конфигураций была предметом особого интереса в социальной морфологии Э. Дюркгейма и в человеческой экологии Р.Э. Парка и Чикагской школы.

Суть дела можно сформулировать следующим образом. Если взять в качестве точки отсчета темпорально развертывающуюся индивидуальную биографию, то ее можно представить как последовательное прохождение через темпорально меняющуюся зону манипулирования, в пределах которой оказываются разные сегменты объектного мира. При этом некоторые из этих сегментов вовлекаются в зону манипулирования чаще, а некоторые – реже. Кроме того, индивид находит в разных сегментах мира других индивидов, о которых можно сказать то же самое. Столкновение с этими сегментами мира в опыте сопряжено для индивида с разными видами деятельности и разными (в чем-то схожими, в чем-то несхожими) множествами других. Эти сегменты опыта могут укореняться и часто в той или иной степени укореняются в тех или иных обособленных территориальных «нишах»; при высоких степенях дифференциации и специализации деятельностей достигаются относительно устойчивые территориальные распределения этих деятельностей, по крайней мере многих из них. Такое территориальное укоренение может принимать разные формы, от жесткой локальной концентрации до всевозможных форм территориального рассредоточения, при котором некоторый вид совместной деятельности или разные его части выполняются в разных территориальных нишах, связанных теми или иными видами транспортного

Избранное: Мир, светящийся смыслом. М., 2004. С. 533-549. Языком, близким к терминологии этой статьи, эта ситуация и ее общий контекст описаны в: *Николаев В.Г.* Миграция и маргинализация в интеракционистской перспективе // Социологический журнал. 2010. № 1. С. 5-20; *Николаев В.Г.* Человек маргинальный // Вопросы социальной теории: Научный альманах. 2010. Т. IV. Человек в поисках идентичности / Под ред. Ю.М. Резника и М.В. Глостановой. М., 2010. С. 354-372.

¹⁷ Тематическая фокусировка внимания на отдельной личности не противоречит тому, что способ рассмотрения, предлагаемый далее, является именно социологическим.

сообщения и (или) коммуникации. Человеческие биографии, принятые нами за точку отсчета, развертываются в контексте территориального распределения деятельностей, и последнее может быть разным¹⁸. Это короткое рассуждение позволяет нам связать идеи Мида относительно становления Я и идентичности с контекстом социальной морфологии/экологии, недостаточно четко им прописанным¹⁹. Я и, соответственно, идентичности складываются в соотношении с различными кругами взаимодействий, в которые человек биографически вовлекается, и зависят от этих вовлечений; но эти вовлечения происходят в конкретных местах и по-разному интегрируются или не интегрируются друг с другом в этих местах, в зависимости от территориальной организации и распределения деятельностей, в которые он вовлекается²⁰. Каждое вовлечение в совместные деятельности, или коллективные взаимодействия, сопряжено с возможным принятием роли «обобщенного другого», то есть интеграции

---

¹⁸ Эти территориальные распределения, будучи продуктом коллективных действий людей, меняются вместе с изменениями этих действий и являются подвижными. Тем не менее в силу таких «тяжелых» материальных фиксаций, как здания, дороги и т.п., и инертности, заключенной в организации самих совместных действий, они обладают высокой степенью инертности — достаточной для того, чтобы мы рассматривали их как устойчивые элементы внешних условий, к которым люди вынуждены приспосабливаться.

¹⁹ В общих чертах этот контекст был намечен им в текстах, составивших часть IV в книге «Разум, Я и общество»: *Mead G.H. Mind, Self and Society from the Standpoint of a Social Behaviorist* / Ed. by C.W. Morris. Chicago, 1934. P. 227-336.

²⁰ Конкретные места могут быть местами множественных вовлечений; М. Фуко называет это «гетеротопией» (*Фуко М. Другие пространства // Фуко М. Интеллектуалы и власть. М., 2006. Ч. 3. С. 191-204*). В таких местах сталкиваются разные перспективы участников взаимодействия, связанные с разными их вовлечениями. Если существует общая система координат для рабочего совмещения этих перспектив, то взаимодействие продолжается. Но если такой общей системы координат нет, то возникает маргинальность того типа, описание которого мы находим у Э.Ч. Хьюза. Например: «Один врач-негр... получив воскресный телефонный вызов, отправился с визитом на дом к женщине, предположительно очень плохо себя чувствующей. Когда женщина, открывшая ему дверь, увидела, что врач негр, она стала всячески его убеждать, что не вызвала доктора и что в доме никто не болен» (*Hughes E.C. Dilemmas and Contradictions of Status // Hughes E.C. The Sociological Eye. Chicago; N.-Y., 1971. P. 142*). Здесь дом стал местом, где столкнулись и не совместились перспективы участников. В момент встречи во враче не совместились «врач» и «негр», в женщине — «пациентка» и «белая»; мир медицинского обслуживания не совместился в этой ситуации с миром расовых различий; происходящее утратило определенность для обоих участников, перестав быть стандартно ожидаемым «медицинским обслуживанием». Врач-негр, привыкший действовать как врач в том мире, где все его пациенты были чернокожими, оказался вовлечен в более широкий мир, где это было не так, и его профессиональная идентичность оказалась подвешенной, парализовав привычное действие. Женщина, привыкшая, что приезжающие по вызову врачи белые, тоже оказалась вовлечена в более широкий мир, в котором не идентифицировала этого человека как врача, утратив одновременно и свою идентичность как «пациентки».

ей опыта в связи с соответствующим социальным участием. Расширение круга вовлечений создает для человека повод для интеграции своего опыта, мира и Я не только в связи с отдельными вовлечениями, но и в связи с множеством вовлечений. Предполагается, что расширение социального участия создает возможность для более широких генерализаций, хотя эти генерализации могут фактически и не произойти²¹.

Это расширение социального участия может происходить в пределах достаточно хорошо ограниченной локальной области и с выходом за ее пределы; в последнем случае генерализация и интеграция опыта, мира и Я происходит труднее, поскольку человек с большей вероятностью входит в контакт с другими, вовлеченными в собственные «домашние» миры, сильно отличающиеся от его «домашнего» мира, и сталкивается с таким само собой разумеющимся, которое для него не является само собой разумеющимся. В этих проблемных зонах взаимодействия идентичность опыта, Я и объектного мира оказывается под ударом. Со временем может произойти реконструкция этой идентичности благодаря достижению генерализаций, более широких по сравнению с исходными; но до тех пор, пока они не достигнуты и не стали само собой разумеющимися, остаются неопределенность и неуверенность.

Далее нам необходимо более точно определить социальную структуру, связав ее с зонами манипулирования и территориальным распределением деятельностей. Преобладающие в социологии понятия, используемые для определения социальной структуры, не очень для этой цели подходят ввиду их устойчивых субстанциалистских коннотаций. Социальная структура — это всегда структурирование общества как социального взаимодействия. Лучше всего, при принятой нами схеме соотношения, воспользоваться — с некоторым уточнением и рядом добавлений — понятиями «сцепленного действия» (joint action) и «сетей действия», предложенными Г. Блумером²².

Общество, если смотреть на него реалистически, есть, по существу, сеть разветвляющегося действия множества людей. Эта сеть некоторым образом структурирована. В качестве ее структурных единиц можно рас-

---

²¹ Я, по Миду, есть всегда множественное Я и не может быть иным. Но в каких-то случаях оно может быть интегрированным, а в каких-то — нет. В качестве примера того, как с этой более широкой генерализацией могут возникать проблемы, можно привести мидовский анализ соотношения «национального» и «интернационального» мышления: *Мид Дж. Г. Национальное и интернациональное мышление // Личность. Культура. Общество. 2008. Т. X. Вып. 5-6. С. 57-71.*

²² См.: *Блумер Г. Социологические импликации мышления Джорджа Герберта Миды // Социальные и гуманитарные науки. Сер. 11. Социология. 2008. № 1. С. 124-133.*

смагивать сцепленные действия, то есть сети действия меньших масштабов, скрепленные в каждом их звене конкретными взаимодействиями конкретных участников, прежде всего взаимодействиями лицом-к-лицу, то есть такими, при которых происходит совмещение зон манипулирования участников в общую область манипулирования и действительное взаимное тестирование ими интерпретаций друг друга. Сцепленные действия сами организуются как сети и могут быть рассмотрены как состоящие из единиц, коими являются опять же сцепленные действия, но меньшего масштаба. Поскольку люди участвуют во множестве деятельностей, соединяющих их с разными множествами других, социальная структура может быть в общих чертах описана как множество устойчивых сцепленных действий разных масштабов с разными составами участников, которые осуществляются относительно независимо друг от друга и сложным образом накладываются друг на друга.

Для удобства введем в эту схему дополнительное понятие. Каждое сцепленное действие можно представить как сеть «узлов», соединенных друг с другом каналами транспортного сообщения и (или) коммуникации²³. Под «узлами» здесь понимаются регулярные, относительно автономные потоки взаимодействия с относительно устойчивым составом участников (их число может быть разным), осуществляющиеся в общей для этого круга участников области манипулирования. Относительная автономность как самих узлов, так и образующихся на их основе сетей обеспечивается разными механизмами контроля доступа к участию. Они могут быть как неформальными, вроде тех, которые были описаны Э. Гоффманом²⁴, или языковых, так и формальными, вроде ли-

---

²³ В качестве иллюстрации можно привести самые разные примеры: языковое сообщество как совокупность рассеянных узлов, в которых общение осуществляется на одном языке; транснациональную компанию (например, «Кока-Кола») как сеть предприятий и офисов, разбросанных по всему миру; организованную преступную сеть, укорененную на низовом уровне в локальных бандах (*Ландеско Дж.* Организованная преступность в Чикаго // *Личность. Культура. Общество.* 2003. Т. V. Вып. 3–4. С. 204–236; *Thrasher F.M.* *The Gang.* Chicago, 1927); кольцо *Кула*, скреплявшее сеть торговых путешествий островные сообщества тробрианцев (*Малиновский Б.* Избранное: *Аргonautы западной части Тихого океана.* М., 2004); нацию-государство как образование, выстраивающееся на основе территориально ограниченной сети бюрократических и образовательных «путешествий» (*Андерсон Б.* *Воображаемое сообщество: Размышления об истоках и распространении национализма.* М., 2001), и т.д.

²⁴ Речь идет о «ритуалах доступа», которые описываются им в очерке «Поддерживающие взаимнообмены»: *Goffman E.* *Relations in Public: Microstudies of the Public Order.* N.-Y., 1971. P. 62–94, особенно 80–91. «Территориям», охраняемым с помощью таких механизмов, Гоффман посвятил специальный очерк «Территории Я»: *Ibid.* P. 28–61. Хотя эти «территории» и механизмы описываются у него применительно к индивиду, их аналоги обнаруживаются и в случае коллективных единиц, названных здесь узлами.

цензий, сертификатов, виз, пропусков и т.д. При высоких степенях устойчивости сцепленного действия образующие его узлы могут приобретать и часто приобретают устойчивую территориальную локализацию; в этих случаях контроль доступа к участию нередко осуществляется посредством огораживания территории, внутри которой локализуется соответствующий узел. Более закрытыми являются узлы специализированной деятельности; они же обычно и более жестко локализованы, особенно если эта деятельность связана с использованием громоздких материалов и тяжелого оснащения, массивной документацией, высокой ценностью задействованных объектов, необходимостью особых гигиенических условий и т.п. Не все деятельности людей имеют устойчивые территориальные локализации, но многие (среди них наиболее регулярные) их имеют, и дифференциация мест, вмещающих узлы тех или иных сцепленных действий, отражающая дифференциацию сети социального взаимодействия, является тем каркасом, внутри которого разворачивается любая человеческая биография. Сам этот каркас (напомним) поддерживается механизмами контроля доступа, гарантирующими отбор участников и действенное отграничение их от неучастников. Благодаря этому отбору в местах, вмещающих соответствующие узлы, осуществляются одни комбинации действий, а не другие, и ожидания участников организуются соответствующим образом: какие-то объекты, персонажи, действия и т.д. оказываются в этих местах ожидаемыми, а какие-то не ожидаемыми (не на манер «да или нет», а во всем спектре от наивысшей ожидаемости до полной неожиданности). Можно сказать (хотя это и очень грубая формулировка), что в разных местах оказываются локализованными не только ограниченные наборы участников или типов участников, не только ограниченные вариации действий, но также ограниченные «выборки» объектных миров, установок, ожиданий и идентичностей.

В территориально обособленных узлах осуществляется не просто совмещение зон манипуляций участников в общую область, вовлекающее в поле их действия общий сегмент объективного мира. Поскольку действия участников в этих узлах представляют собой ограниченную выборку из всего репертуара возможных человеческих действий, то исходя из практической необходимости релевантными для этих действий оказываются ограниченные выборки объектов в этом сегменте и свойств и качеств этих объектов. Жизнь и деятельность в данном конкретном месте ограничивают «точку зрения», или перспективу, из которой воспринимается мир как таковой. Совместное участие в общем действии всегда требует от участников взаимной настройки и совмещения их частных

перспектив в общую коллективную перспективу²⁵. Постоянное действенное взаимное тестирование участниками действий друг друга и воплощающихся в них интерпретаций (на языке Мида, «перцепций») обеспечивает устойчивое совмещение объектных миров, воспринимаемых из их частных перспектив, в общий мир опыта, имеющий для них объективный характер, само собой разумеющийся и определенный для них. В отношении общего мира, данного участникам в ходе их деятельности в том или ином конкретном узле, у них складывается уверенность. Для них это надежный, рутинный, хорошо освоенный мир, отношение к которому у них (их установка в отношении него) обладает определенностью.

Тем самым в этом узле поддерживается определенность их Я (их самоидентичность) и того «мы», в соотнесении с которым это Я в данном узле организуется (то есть коллективная идентичность). Хотя в принципе любой узел не зависит от его территориальной локализации и может географически локализоваться в разных местах, реально он каждый раз оказывается локализован именно там, а не где-то еще, и складывающаяся в нем идентичность во всех ее аспектах оказывается привязанной к данному конкретному месту, в котором вместе собраны именно данные конкретные соучастники, а не другие, и их действия осуществляются именно так, как они конкретно осуществляются, а не как-то иначе. *Все в человеческом мире в принципе может быть иным, но реально в каждом конкретном случае оказывается именно таким, каким оказывается.*

Каждый узел определенным образом размещает человека относительно мира в целом, как тот дан ему в его опыте. Поскольку в узле поддерживается система релевантностей, привязанная к практическим делам, которые в нем осуществляются, то задаваемая им перспектива ограничивается горизонтами тех сцепленных действий, в которые этот узел инкорпорирован. Далекие соучастники сцепленных действий, в которые человек вовлечен, в каком-то смысле реальнее для него, чем люди, с которыми он ни в чем не соучаствует (например, социологу, делающему социологию к каких-то конкретных узлах, легче идентифицироваться с далекими социологами, чем с геологами; или человеку, говорящему по-русски, легче идентифицироваться с отдаленными русскоговорящими, чем с говорящими на языке амхара или суахили). Иначе говоря, каждый узел ограничивает идентификации с отдаленными другими. Множество узлов, в которых человек биографически участвует, открывает ему возможность идентификации с ограниченными множествами других, кон-

---

²⁵ Ср.: Шюц А. Избранное: Мир, светящийся смыслом. М., 2004. С. 14-16 (о тезисе «взаимности перспектив»); С. 218-226 (о соотношении Я и чистой сферы «Мы»).

фигурируя его референтные «мы» и, соответственно, его Я. Неустраняемая ограниченность человеческого существования обуславливает настолько же неустранимую ограниченность его территориальных перемещений, охвата географических мест этими перемещениями, вхождения в эти места и в узлы, в них локализованные, участия в этих узлах и соответствующих сцепленных действиях, вложения времени, сил, внимания и т.п. в эти участия. Это значит, что если в принципе человек может по-разному перемещаться через мир и быть и участвовать в любых его местах, то фактически биография каждого человека оказывается прохождением через конкретные места и узлы, и набор этих мест и узлов ограничен его антропологической ограниченностью и уже упоминавшимися механизмами контроля доступа. Идентичности должны рассматриваться как зависимые от тех конфигураций географических мест и структурных узлов, которые фактически реализуются в индивидуальных (прежде всего типичных) человеческих биографиях. А эти конфигурации, в свою очередь, зависят от социальной структуры, как она здесь понимается, и от ее географического укоренения.

Анализ трансформаций идентичности, сопряженных с модернизацией, требует соотнесения изменений в идентичности с социально-структурными изменениями, лежащими в основе модернизации. Последние вряд ли можно мыслить как относящиеся только к Новому времени; скорее в Новое время они приобрели лишь слишком явный и лавинообразный характер. Следует сразу сказать, что эти социально-структурные изменения однолинейны (даже если исторически разворачиваются челночным образом, как чередования продвижений вперед и откатов назад) и связаны с расширением диапазонов коллективных (сцепленных) действий, в том числе географическим. Вообще говоря, ничего нового в этом нет. Еще начиная со Спенсера и Дюркгейма, социальная эволюция представлялась в структурном ключе как увеличение объемов социальных агрегатов, сопровождающееся их дифференциацией и интеграцией на новых основаниях. Однако вышеприведенный анализ дает нам возможность взглянуть на этот процесс несколько иначе.

Для простоты мы пойдем тем же путем, которым пошли Спенсер и Дюркгейм. Оба постулировали в качестве исходной модели общества малый по объему коллектив людей, обладающих в ключевых чертах гомогенностью, полностью обеспечивающих себя необходимыми средствами существования и не нуждающихся в других для собственного воспроизводства (Спенсер называл это «простым обществом», Дюркгейм — «социальным сегментом»). Коротко опишем эту модель в предложенных выше категориях. Как и любое общество, это сеть действия, образуемая

узлами, в которых осуществляются разные виды деятельности. При этом, какой бы узел мы ни взяли, участники этого узла не только вовлечены в специализированное сцепленное действие, в котором их размещает этот узел, но и одновременно являются участниками одной и той же сети действий неспециализированного характера, замкнутой в пределах небольшой компактно ограниченной территории. Это значит, что какой бы деятельностью люди ни были заняты, они одновременно втянуты в общую для них систему координат (или «коллективных представлений», по Дюркгейму), которая дает им общее видение мира и по поводу которой у них не возникает сомнений при решении конкретных проблем, подстерегающих их в ходе осуществления этого специализированного совместного действия. Зоны манипулирования всех участников жестко замкнуты в ограниченном территориальном диапазоне и постоянно внутри него перемешиваются, что обеспечивает высокую степень устойчивости данного им в опыте объектного мира, символической интерпретации этого мира (закрепленной в общем для них языке), восприятия этого мира, установок в отношении объектов этого мира, того совокупного «мы», в котором они буквально растворены, и их личной самоидентификации, насколько о таковой вообще можно говорить применительно к этому социальному состоянию. Это мир рутины, привычек, непреклонного ментального догматизма и предельной уверенности.

Разумеется, никакие человеческие коллективы, в том числе прошлые и даже древнейшие, не подпадают полностью под эту модель. Даже предельно замкнутые общины являются проницаемыми, осуществляя территориальную экспансию и входя в контакт с окружающими человеческими коллективами в таких формах, как войны, торговля, обмены женщинами и т.п. Тем не менее указанную модель необходимо допустить (как собственно и делают классики социологии и антропологии) как предельный случай, или «идеальный тип», отталкиваясь от которого можно определить основные параметры того типа социально-структурного изменения, о котором идет речь.

И здесь ключевое значение имеет территориальное (географическое) расширение сетей коллективного действия, то есть расширение географических контуров, очерчивающих множества узлов, сцепленных друг с другом в эти сети. Этот процесс имеет много взаимосвязанных следствий, и оставшаяся часть статьи будет посвящена именно им.

Прежде всего территориальное расширение сетей действия сопряжено с вовлечением в сцепленные действия участников, лишенных того единого и гомогенного мировосприятия, которое обеспечивается единой «домашней» средой, складывающейся посредством постоянного переме-

шивания их зон манипулирования в пределах ограниченного участка территории. Это значит, что, по крайней мере, в некоторых узлах, образующих эти расширившиеся сцепленные действия, во взаимодействие лицом к лицу вступают участники с различающимися локальными вовлечениями и, соответственно, с более или менее разными установками, перцепциями, представлениями о реальности, картинами мира, ожиданиями и т.д., связанными с этими вовлечениями. Это рассогласование частично преодолевается за счет того, что взаимодействия между ними фокусируются на общем сегменте объектного мира, данном им в соединяющем их узле, а весь прочий мир опыта удерживается в латентном состоянии как нерелевантный («тезис взаимности перспектив»). Тем не менее этот латентный «прочий мир опыта» для каждого из участников сохраняется, и для разных участников он может быть разным.

Поскольку прежний опыт, связанный с локальными вовлечениями, определяет, в терминологии Мида, «восприимчивости» участников, они в силу разных «восприимчивостей» конструируют в ходе взаимодействия в узле более или менее различающиеся объектные миры, и если они различаются достаточно сильно, то это может сказаться на ходе взаимодействия, создавая проблемы для его протекания и иногда даже его парализуя. С одной стороны, узлы непосредственного взаимодействия между чужаками являются плавильными котлами, в которых вырабатываются более генерализованные рамки организации совместного опыта и новые, более широкие «мы». С другой стороны, пока эти рамки и «мы» не выработались, такие узлы являются источниками разных проблем, в том числе связанных с идентичностями самих участников. Для успешного осуществления взаимодействий в таких узлах идентичности должны быть достаточно гибкими, но гибкость означает неопределенность и отсутствие той уверенности в себе и мире, которая характеризует «домашнюю» среду. В современных условиях биографии значительного числа людей могут быть связаны преимущественно с пребываниями в подобных узлах, и следствием этого является формирование у них подвижных, текучих идентичностей, а вокруг них — подвижных, текучих, слабо определенных, идиосинкразических культур. Свойства таких идентичностей нашли свое классическое отражение в парковской концепции «маргинального человека».

Следующее важное следствие территориального расширения сетей действия состоит в том, что в область контактного опыта человека попадают только ограниченные части тех сцепленных действий, в которые он вовлечен, и, соответственно, значительные их части переживаются лишь дистанционно. Конечно, возможны случаи, когда человек биографичес-

ки укореняется во всех узлах территориально обширного сцепленного действия (особенно если оно не очень обширное), но такие случаи не составляют правила. Обширные сцепленные действия, характерные для модернизированного общества, как правило, включают такое число узлов и участников, что непосредственное вовлечение всех этих узлов и участников в область достаточно регулярного непосредственного опыта представляется антропологически невозможным. Это означает, что перспективы, открываемые для человека участием в тех или иных сцепленных действиях, являются — в той мере, в какой контактное их переживание все более сжигается по сравнению с дистанционным, — все более абстрактными. И это уже во многом иное переживание той реальности, которая конструируется и удостоверяется в контактном опыте, нежели в условиях небольших закрытых территориально компактных общин, когда сцепленное действие могло быть пережито более или менее непосредственно в полном его объеме. Осуществление деятельности в узлах территориально обширных сцепленных действий оказывается зависимым от сред и условий, сказывающихся на сцепленном действии во всех его узлах, однако эти среды и условия в значительной степени не переживаются участниками напрямую, а переживаются лишь косвенно, более или менее абстрактно — через знаки, сообщения, потоки новостей, имеющие для них абстрактный характер²⁶, но не абстрактные в тех дистанционных узлах сцепленных действий, в которых их влияние ощущается неведомыми далекими соучастниками напрямую. При всей абстрактности этих сред и условий они в большей или меньшей степени сказываются на сцепленном действии во всех его узлах и, соответственно, в каждом узле оказываются релевантными, по крайней мере в латентном, или фоновом, режиме. С расширением мира более абстрактные новости все более вытесняют сплетни как источник значимого и релевантного знания о мире и о том, что в нем происходит. Современный человек в своей повседневной жизнедеятельности зависим от потока новостей, даже если не осознает этого; степень зависимости может быть разной, и выше всего она в тех сегментах общества, которые в наибольшей мере модернизированы.

Эта зависимость от далеких других является важным элементом того, что Дюркгейм называет органической солидарностью; разумеется, эта

---

²⁶ О природе новостей и переживания новостей см.: *Парк Р.Э.* Новость как форма знания // Социальные и гуманитарные науки за рубежом. Сер. 11. Социология. 2002. № 1. С. 96-115; *Парк Р.Э.* Новость и интересная история // Социальные и гуманитарные науки за рубежом. Сер. 11. Социология. 2002. № 3. С. 126-136; *Хьюз Х.* Новость и занимательная история (авторреферат диссертации) // Социальные и гуманитарные науки за рубежом. Сер. 11. Социология. 2006. № 1. С. 131-158.

зависимость далеко не всегда в достаточной мере принимается действующими в расчет, и следствием этого является широкий спектр следствий, подпадающих под категорию аномии. Абстрактность и недостаточная определенность дальнего релевантного мира, выходящего за рамки контактного опыта, обуславливает значимость для локального действия в конкретном узле доверия/недоверия к этому миру, как он представлен в поступающих извне знаках, уверенности как основания для действия, осуществления рискованных выборов и т.п. Эти свойства действия неизбежно сказываются на идентичностях самих действующих. В условиях подвижного и не вполне предсказуемого мира стабильные идентичности становятся более или менее неадекватными, хотя и могут сохраняться и даже заостряться — с последствиями для эффективности деятельности.

Одним из значимых аспектов незримости всего сцепленного действия в полном объеме является то, что в отличие от простого замкнутого общества в модернизированном обществе те «мы», которые формируются в узлах, в которых человек участвует, не имеют для него ясных очертаний. Границы «мы», очевидные в случае небольшой самодостаточной общины, становятся в современных условиях размытыми. И размытость этих «мы» дублируется в соответствующей размытости самоидентификаций. Обширные сети действия с большим территориальным охватом делают возможным включение в «мы» людей, которые при компактных сетях действия с обозримым из любого их узла закрытым членским составом с высокой вероятностью были бы отделены друг от друга жесткой границей; в свою очередь, открытое «мы» позволяет расширять сети действия, подсоединяя к ним участников, которые при жесткой идентичности «мы» не могли бы быть к ним подсоединены или, по крайней мере, подсоединялись бы с большим трудом. Открытые «мы» делают более открытыми и соотносящиеся с ними Я.

К этому следует добавить, что территориально обширные сцепленные действия, позволяющие формироваться соответствующим «мы» и делающие возможным включение в эти «мы» людей из широкого территориального диапазона, привносящих в эти сцепленные действия другие свои вовлечения, создают возможность для фонового перемешивания перспектив, связанных с этими другими вовлечениями, и, соответственно, для формирования более широких генерализаций, в том числе (если воспользоваться термином Мида) более генерализованных других; формирование этих более генерализованных других происходит параллельно во множестве сцепленных действий и имеет диффузный характер. В разных сцепленных действиях этот процесс может протекать при разных обстоятельствах, разными путями, с разной степенью интенсивности и

разной степенью успешности. При этом переходы из одних сцепленных действий в другие могут оказываться переходами из более (или менее) генерализованных миров в менее (более) генерализованные миры, что опять же сказывается на самоидентичностях людей, совершающих подобные переходы в своих биографических траекториях.

Аксиомой социальной морфологии является дифференциация общества по мере увеличения его объема. Это значит, что расширение сетей действия сопровождается образованием все большего числа сцепленных действий, и эти сцепленные действия развиваются более или менее независимо друг от друга. Эта независимость развития делает сцепленные действия средами для формирования разных объектных миров и картин этих миров, в том числе для неравномерных генерализаций, о которых только что говорилось. Для отдельного человека это означает, что он в рамках своей индивидуальной биографии вовлекается в большее число разных сцепленных действий, чем это было возможно при жестко и компактно территориально ограниченном жизненном круге. Степени различия между теми мирами, в которые человек вовлекается через участие в разных сцепленных действиях, тем выше, чем более человек территориально мобилен; а современный мир характеризуется высокой интенсивностью и очень широкими диапазонами территориальной мобильности. Между тем даже при невысокой территориальной мобильности современный человек живет в очень пестрых и дифференцированных средах, особенно в больших городах. Увеличение числа социальных вовлечений на фоне очень разных партнеров, с которыми человеку приходится в разных узлах вступать во взаимодействие, и очень непохожих миров, которые могут скрываться за этими партнерами, имеет неизбежным следствием уменьшение личностных инвестиций времени, сил, внимания и т.д. в каждое отдельное вовлечение или, по крайней мере, в значительную часть вовлечений. Иначе говоря, вовлечение в каждое конкретное сцепленное действие становится в среднем более поверхностным²⁷.

Тотальная вовлеченность в какое-то одно сцепленное действие достигается в современных условиях преимущественно насильственным путем и воспринимается как нечто экстраординарное и явно не «нормальное» (тюрьма, психиатрическая клиника, концлагерь и т.п.)²⁸. Поверх-

---

²⁷ Ср.: *Вирт Л.* Урбанизм как образ жизни // *Вирт Л.* Избранные работы по социологии. М., 2005. С. 93-118. Говоря об «урбанизме», Вирт описывает, по существу, современность (см.: *Вирт Л.* Городское сообщество и цивилизация // *Личность. Культура. Общество.* 2006. Т. VIII. Вып. 2. С. 21-32).

²⁸ *Goffman E.* Asylums: Essays on the Social Situation of Mental Patients and Other Inmates. Garden City, N.-Y., 1961.

ность вовлечений предполагает более гибкую структуру Я, в которой одни модули могут заменяться другими без потери его целостности и интеграции; но вместе с тем и сами эти целостность и интеграция не могут быть очень устойчивыми, и это еще один аспект размывания современных идентичностей. То, что такие идентичности функционально адекватны тем структурным условиям, в приспособлении к которым они складываются, не означает, разумеется, что для самого человека такие текущие идентичности непременно комфортны. Особенно дискомфортными они являются, по всей вероятности, в тех случаях, когда ранний опыт человека был структурирован более жестко. На линиях разлома между разными мирами, в которые по тем или иным причинам человек вынужденно вовлечен, могут формироваться те острые личностные конфликты, на которые обращал внимание Парк, когда писал о «маргинальном человеке»²⁹. Человек, для которого с детских лет гибкие идентичности привычны, вряд ли будет переживать такие личностные конфликты, но будет нести другие издержки, такие, например, как отсутствие прочных привязанностей и чувство одиночества.

Еще один исключительно важный момент, связанный с расширением географического диапазона, в котором разворачиваются сцепленные действия, состоит в том, что это расширение осуществляется за счет развития средств транспорта и коммуникации, обеспечивающих перемещение вещей, людей и идей. Увеличение территориальных масштабов сцепленных действий, вплоть до глобального, становится возможным благодаря развитию таких средств транспорта и коммуникации, которые обеспечивают адекватные временные режимы сообщения между узлами этих действий: коллективные действия имеют свой ритм и свою скорость, и ритмы и скорости сообщения между их узлами должны им соответствовать, чтобы совместное действие не распалось на фрагменты.

Можно то же сказать и иначе: временные режимы сообщения, обеспечиваемые средствами транспорта и коммуникации, задают пределы для развития более широкомасштабных сцепленных действий, в том числе для расширения их географического диапазона. В классических версиях социальной морфологии этот факт учитывался: у Спенсера — в рассмотрении распределительных систем как аналога кровеносных систем для

---

²⁹ См.: Парк Р.Э. Человеческая миграция и маргинальный человек // Социальные и гуманитарные науки. Сер. 11. Социология. 1998. № 2. С. 167-176; Парк Р.Э. Личность и культурный конфликт // Социальные и гуманитарные науки. Сер. 11. Социология. 1998. № 2. С. 175-192; Парк Р.Э. Культурный конфликт и маргинальный человек // Социальные и гуманитарные науки. Сер. 11. Социология. 1998. № 2. С. 172-175.

социальных организмов, у Дюркгейма – во включении всевозможных средств сообщения в число важных морфологических фактов, и т.п. Однако наиболее подробно и обстоятельно этот аспект социальной морфологии был освещен в работах Г.М. Маклюэна³⁰. Вовлеченность в более масштабные сцепленные действия и более широкие миры делает людей зависимыми от средств сообщения, на функционирование которых эти действия и миры опираются. В той степени, в какой люди заинтересованы в своих участиях и вовлечениях и пытаются их удерживать, они неизбежно пользуются этими средствами, хотя бы они того или не хотят (разумеется, они могут ими фактически не пользоваться, но это неизбежно рушит связи между узлами сцепленного действия и, разрушая это действие на фрагменты, наносит удар по тем практическим интересам, ради которых люди в этих деятельности участвуют).

Зависимость от средств транспорта и коммуникации, между тем, не ограничивается этой объективной стороной дела. Как настаивает Маклюэн, люди становятся зависимыми не только от тех возможностей, которые эти средства предоставляют для мобильности вещей, людей и идей, и не только от тех удовлетворений, которые такая мобильность может приносить сама по себе (в плане заработка, потребления, отдыха и т.п.), но и от тех способов организации действия и опыта, которые предполагаются этими средствами как таковыми. Сам человеческий опыт по мере исторического перехода от одних средств транспорта и коммуникации к другим, поддерживающим все более масштабные коллективные образования, постоянно перестраивается в приспособлении к этим новым средствам. Участие в сцепленных действиях в тех или иных их узлах требует от участников определенной организации их опыта, адекватной тем средствам коммуникации, которые связывают узлы воедино. Для Нового времени характерно развитие средств коммуникации, обеспечивающих все более быструю (вплоть до мгновенной) передачу звуков и зрительных образов на дальние расстояния. Для того чтобы полноценно участвовать в современных сетях действия, люди должны быть постоянно погружены в потоки звуковых и визуальных образов, поступающих к ним по этим каналам практически со всего мира.

Зависимость людей от новейших средств коммуникации, в том числе электронных, обеспечивающих все то же распространение информации о мире через звуковые и визуальные знаки, прививает им «аудиови-

---

³⁰ Маклюэн Г.М. Понимание Медиа: Внешние расширения человека. М., Жуковский, 2003. Эту книгу Маклюэна можно рассматривать как своего рода естественную историю человеческого взаимодействия, рассмотренную через призму эволюции средств коммуникации.

зуальную» культуру, во многом отличающуюся от тех культурных форм, которые выстроены на основе преобладающего значения кинестетического контактного опыта. Соответственно, опыт современного человека в некотором смысле более абстрактен. Современный человек живет в мире, ядро которого неизбежно составляет контактный мир, деятельно им освоенный, и его базовые представления о реальности формируются в нем. Однако человек живет в мире не только физически и кинестетически, но и ментально. Иначе говоря, мир опыта современного человека в отличие от человека досовременного — это не только и не столько мир, данный ему в непосредственном опыте, сколько более широкий мир, данный ему через всевозможные средства коммуникации в форме аудиовизуальных знаков.

Человек как физическое существо неизбежно ведет локальное существование (не в смысле непрерывной привязанности к одному конкретному месту, а в смысле неизбежного нахождения в каком-то конкретном месте в настоящем, в котором локализована его развертывающаяся деятельность), но локальный опыт современного человека насквозь пропитан знаками объектов внешнего, не данного в прямом контакте мира, и перцепции/интерпретации, на основе которых выстраиваются его развертывающиеся действия, в той или иной степени подпадают под влияние этих абстрактных символических элементов. Ничего особенно нового в этом опять же нет; это почти банальность. Однако в том контексте, в котором мы здесь это констатировали, можно сделать из этого ряд выводов, как представляется, не совсем тривиальных. Прежде всего процесс модернизации — это и процесс модернизации опыта, который состоит во все большем преобладании абстрактных его элементов над теми, которые переживаются в контакте, то есть осязательно и кинестетически³¹. Это не значит, что это свойство равномерно присуще сегодня опыту всех людей при любых условиях и обстоятельствах; это означает только то, что именно такая структура опыта выражает суть современности. Во-вторых, процесс модернизации опыта должен рассматриваться в контексте модернизации сетей действия, и, следовательно, модернизация структуры опыта должна видеться как опосредованная расширением сетей действия и формированием поддерживающих эти сети действия средств коммуникации. В-третьих, мир опыта современного человека более абстрактен, чем мир опыта человека досовременного, но эта абстрактность вовсе

---

³¹ Эта модернизация опыта сделала, в частности, возможной развитие современной науки, в которой акцент перенесен с непосредственного наблюдения на абстрактные модели. Это касается, например, физики, оперирующей в настоящее время понятиями, объективные референты которых невозможно зрительно наблюдать ни через какие приборы.

не является всецело научной и прежде всего научной. Большой мир дан современному человеку в опыте через абстракции, которые создаются не объективно мыслящими учеными, а далекими анонимными чужаками, конструирующими их зачастую по своим далеко не всегда прозрачным житейским логикам и исходя из далеко не всегда ясных мотивов. В потоки аудиовизуальной символической продукции легко инкорпорируются фальсификации и симуляции, и человек, которого омывают эти потоки, не имеет возможности проверить их на истинность и отделить зерна от плевел тем способом, которым он может проверять вещи на истинность в контактном опыте, когда они оказывают сопротивление его перцепциям/интерпретациям. И здесь опять же обостряются уже названные выше проблемы доверия, риска и выбора. Наивное принятие всего на веру рано или поздно создает проблемы несовместимости разных образов мира, поступающих через потоки информации. Изошренное сомнение во всем не избавляет от зависимости от этих потоков, являющихся, если использовать термин Дюркгейма, принудительным социальным фактом. Большой мир так или иначе остается неопределенным, и отражением этого будут настолько же неопределенные идентичности живущих в этом мире людей.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Блумер Г.* Социологические импликации мышления Джорджа Герберта Мида // Социальные и гуманитарные науки. Сер. 11. Социология. 2008. № 1. С. 124-133.
2. *Вирт Л.* Урбанизм как образ жизни // *Вирт Л.* Избранные работы по социологии. М., 2005. С. 93-118.
3. *Маклюэн Г.М.* Понимание Медиа: Внешние расширения человека. М.; Жуковский, 2003.
4. *Мид Дж.Г.* Избранное: Сб. пер. / Сост. и пер. В.Г. Николаев. Отв. ред. Д.В. Ефременко. М., 2009.
5. *Николаев В.Г.* Миграция и маргинализация в интеракционистской перспективе // Социологический журнал. 2010. № 1. С. 5-20.
6. *Николаев В.Г.* Человек маргинальный // Вопросы социальной теории: Научный альманах. 2010. Т. IV. Человек в поисках идентичности / Под ред. Ю.М. Резника и М.В. Тластановой. М., 2010. С. 354-372.
7. *Парк Р.Э.* Человеческая миграция и маргинальный человек // Социальные и гуманитарные науки. Сер. 11. Социология. 1998. № 2. С. 167-176.
8. *Шюц А.* Чужак // *Шюц А.* Избранное: Мир, светящийся смыслом. М., 2004. С. 533-549.
9. *Blumer H.* "Science without Concepts" // *American Journal of Sociology.* 1931. Vol. 36. № 4. P. 515-533.
10. *Goffman E.* Asylums: Essays on the Social Situation of Mental Patients and Other Inmates. Garden City, N.-Y., 1961.
11. *Mead G.H.* The Philosophy of the Act / Ed. by C.W. Morris with J.M. Brewster, A.M. Dunham and D. Miller. Chicago, 1938.
12. *Mead G.H.* The Individual and the Social Self: Unpublished Work of George Herbert Mead / Ed. with an Introduction by D.L. Miller. Chicago, 1982.